

Это стремительное словосочетание, искусственно повышенное настроение с ложным пафосом и даже с оттенком декламации совершенно не отвечали драматическому настроению древнерусского поэта: „Что [это] мне шумит, что мне звенит издалека рано перед зорями? Игорь полки оборачивает: жалко ему милого брата Всеволода“. Здесь и лирико-драматический пафос, выраженный вопросительной интонацией; здесь и эпически-описательная картина: сбор Игоря в поход; здесь, наконец, и выражение интимного чувства к брату, переданного поэтом так просто и искренно. В этом стройном сочетании трех различных стилистических моментов нашло свое реалистическое отражение искреннее чувство тревоги и любви, какое испытывал древнерусский поэт.

Польский поэт именно так и понял текст оригинала и перевел его во 2-й редакции реалистически-правдиво:

Co mi tam w dali szumi, dzwoni?
Chrzęst oręża? Tętent koni? —
Przed jutrzeńką, na nowe boje
Nawraca Igor pułki swoje,
Z odsieczą śpieszy wojewoda, —
Bo żal mu brata Wsiewołoda.

(Стр. 16).

б) В 1-й редакции мы читаем:

A Igor — *szast!* białym norem do wody.
A Igor — *hyc!* — gornostajem w szuwały.

(Стр. 38).

В этом отрывке из картины „Бегство Игоря из плена“ стремительность и динамичность Юлиан Тувим передавал путем некоторых импрессионистических приемов. Во 2-й редакции он это же место передает совершенно иначе:

A Igor — białym nurem do wody,
Gornostajem w nadbrzeżne szuwały.

(Стр. 35).

И такая передача вполне соответствовала эпически-описательной картине древнерусского оригинала: „А Игорь князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем [пал] на воду“. Таких примеров при сличении 1-й редакции со 2-й можно было бы привести много. Это, однако, не означало, что польский поэт отказывался от целого ряда таких поэтических приемов, которые были характерны для стиля древнерусского памятника, связанного со стилем русской народной речи, как, например, повторы („Wietrze! Wietrze! Czemu wiejesz tak groźnie?“), аллитерации, составляющие словесно-музыкальную оркестровку древнерусского памятника („Trąby trąbią w murach Nowogrodu“), игра синонимами и тавтологические приемы, обычно встречающиеся в народных песнях („Od żalu-troski“, „Idą płaczki, żony-żałobnice“, „mieczem-obosieczem“ и т. п.), использование песенного рефрена (как, например, в „Плаче Ярославны“) или, наконец, сохранение метафоричности древнерусского памятника („Так, одиноко выронил [он] жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье“ — „Więc samotnie-żeś z ciała chobrego Rzucił śmierci skroś naszujnik złoty, Diamentową swą duszę w męczeństwie“). Во 2-й редакции все эти моменты нашли для себя соответствующее место, отражая стиль оригинала, а не толковались несколько произвольно польским поэтом, как это было в 1-й редакции перевода. „«Слово о полку Игоре»», — указывает А. С. Орлов, —